

„РИЧАРД III“ У СТАНИСЛАВОВЦЕВ

Неохотно берутся наши театры за Шекспира. Даже в юбилейный 1964 год, даже в Москве названия шекспировских драм почти не встречались в театральных афишах. Причины понятны: пьесы Шекспира требуют огромных усилий, а успех в работе над ними так редок...

В репертуаре Ереванского русского драматического театра им. Станиславского наряду с национальной классикой и современными советскими и зарубежными пьесами — бессмертная историческая хроника Шекспира «Ричард-III». Многие одеситы опасались: рассчитал ли свои силы коллектив, взявшись за труднейшее произведение?

Спектакль начинается со сцены, которой нет у Шекспира. Толпа приветствует короля Эдварда IV, занявшего трон после окончания войны Алой и Белой Розы. Довольно жалкая массовка, нестройные выкрики. Опасения зрителей усиливаются. Но вот сцена пустеет, и остается на ней один лишь человек. Горбатый. Хромой. Урод. Глостер выходит на авансцену, в упор смотрит на зал, в молчании делает несколько шагов и, наконец, начинает говорить. И зал «взят», зал внимательно слушает.

Актер А. Джигарханян обладает редким в наше время даром исполнения монологов. Он свободно беседует, «откровенничает» со зрителями, не боясь ни пауз, ни скороговорок. Замечено, что шекспировское слово не безразлично актеру, в речах Ричарда он стремится обнаружить «двойное дно».

Ричард А. Джигарханян очень современен. В его речах нет напыщенности, во всем он намеренно прозаичен. Актер избегает «высоких страстей», и его маккиавелист Ричард становится как будто мельче привычного шекспировского злодея (правда, список его злодеяний от этого не становится короче). По манере игры А. Джигарханян напомнил мне Френка Финля — Яго в спектакле Национального театра Великобритании «Отелло». Та

же нарочитая простота речей и движений, тот же налет злого аскетизма во внешнем виде, тот же всеобъемлющий практицизм. Конечно, Яго выдержан у Шекспира в меньших масштабах, чем Ричард, но все же они — явления одного ряда, — и ассоциация эта не случайна.

Самой удачной в спектакле представляется мне сцена во дворе Бейнардского замка, когда лорд-мэр и горожане просят Ричарда стать королем. Вот где в динамике событий проявляется «актерское мастерство» двуликого Ричарда, всей душой жаждущего власти и лицемерно отклоняющего венец. Там, где Ричард патетичен, он наверняка играет на аудиторию. Горожане и лорд-мэр уже покинули двор, а Ричард еще «не вышел из образа», с пафосом восклицая:

— Вы целый мир забот хотите дать мне!

И сразу же, резко поменяв регистр, бросает скороговоркой высокородному холуя Кетсби:

— Зови обратно их.

Хорош в этом эпизоде и Бэкин-гем (арт. В. Шипков) — своеобразный режиссер церемониала.

Интересно решена и предшествующая сцена. Собрание пэров в Тауэре. Ричард «председательствует», положив руки на стол. Он уже близок к власти, но не прочь поиграть в «коллегиальность». Правда, есть важная задача — убрать Хэстингса (его играет Г. Коротков). И вот Ричард прерывает собрание, уводит в сторону Бэкингема... и зритель наблюдает грязь политической борьбы воочию. Правда, убийство Хэстингса показано слишком примитивно (к тому же не по Шекспиру), но в скорость расправы верится легко.

Лишь однажды, оставаясь наедине с собой, Ричард изменяет своей обычной трезвой прозаичности. Впервые надев корону, он блан от счастья. Но вот заходит Бэкингем, и Ричард мгновенно успокаивается. Да, он — монарх, но ведь так и должно было быть. Бэкингем докладывает, что часы «бьют десять». «Пусть бьют!» — разрешает

Ричард. В его государстве все должно двигаться лишь с разрешения тирана, даже время.

У А. Джигарханяна незаурядное интонационное чутье. Именно поэтому хочется упрекнуть актера в том, что иногда ему изменяет чувство меры. Разговорные интонации в речи Ричарда иногда превращаются в пародию на самое себя, что не всегда уместно. Не случайно, после слов покорившего леди Анну Ричарда «Кто обольщал когда-нибудь так женщин?» — в зале раздается здоровый, послеобеденный смех. А картинная смерть Ричарда «срывает» больше аплодисментов, чем лучшие монологи.

Что касается ряда удач спектакля, то разговор о них можно было бы продолжить. И это удачи не только актера, но и постановщика О. Аветисяна, который отважно взялся за труднейший драматургический материал и немало сделал для современного прочтения пьесы. Заслуживает похвалы лаконичное оформление (художник А. Шакарян), с которым, правда, несколько дисгармонируют разно-стильные костюмы.

В проспекте своих гастролей ереванцы обращали внимание будущих зрителей на свою трактовку «Ричарда III»: театр не склонен «зваливать всю ответственность на одного лишь тирана-злодея, театр стремится обвинять и тех, причем молчаливом попустительстве Глостер узурпировал власть. Трактовка очень интересная, но для ее воплощения необходим слаженный актерский ансамбль, а вот его-то, к сожалению, и нет у наших гостей. Совсем невыразительны Кларенс (В. Поляков), Маргарита (М. Бурджалова), Дорсет (К. Корольков). Не прозвучал в спектакле важный монолог писца (А. Яценко) и, наконец, попросту потерялся знаменитый разговор горожан.

Трижды в спектакле раздаются крики «Да здравствует король!», меняется только имя короля. В начале — это Эдвард IV, в середине — Ричард III, в конце — Генрих VII Тюдор. Три адекватные сцены связаны интересной мыслью: «Нет

На снимке: А. Джигарханян в роли Ричарда III.
Фото М. Гледа.

хороших монархов! Все они в конечном счете тираны». Ричард III — экстремальный случай тирана, и в исполнении А. Джигарханяна этот тиран запоминается зрителям и даже вызывает споры. О чем же?

В целом ряде сцен Ричард Джигарханян вызывает не только гнев, но и насмешку зрителей. Уместны ли фарсовые нотки в исполненной трагизма хронике? А если призадуматься, то Ричард, действительно, похож иногда на шуца, но это шут Истории. Он хотел поглумиться над ней, но время посмеялось над ним. Увиденный нами Ричард явно полемизирует с убеждением, что есть «великие тираны, великие даже в их злодеяниях»; он наводит на мысль, что всякий злодей в корне ничтожен и подчас заслуживает осмеяния. И быть может в этом проявляется одна из сторон оптимистической концепции Шекспира:

М. СОКОЛЯНСКИЙ.